

Алексей К. Смирнов
Под крестом и полумесяцем

Записки врача

Алексей Смирнов

**Под крестом и полумесяцем.
Записки врача**

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Под крестом и полумесяцем. Записки врача / А. К. Смирнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903826-5

Первая часть знаменитой врачебной хроники, дополненная хроникой
«Под крестом и полумесяцем: 10 лет спустя», миниатюрами и рассказами
разных лет.

ISBN 978-5-44-903826-5

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Под крестом и полумесяцем	6
Часть первая. Под крестом и полумесяцем	6
От автора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Под крестом и полумесяцем Записки врача

Алексей К. Смирнов

© Алексей К. Смирнов, 2018

ISBN 978-5-4490-3826-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Под крестом и полумесяцем

Часть первая. Под крестом и полумесяцем

От автора (предисловие 1999 года)

Собственно говоря, все они через это прошли – Чехов, Булгаков, Вересаев, Аксёнов, Горин, Розенбаум, Чулаки... И – ничего. Я, конечно, пока не напрашиваюсь в компанию. Задача настоящих записок – не столько подражать великим и не очень великим, сколько помочь автору сохранить отстранённую позицию. Ведь он, в последние месяцы успевший несколько прославиться, поймал себя на мысленном использовании этих печальных хроник не то в качестве дубины, не то какого другого оружия. То есть угрожает этой бомбой в воображаемых спорах с больничными оппонентами. Это угнетает, это говорит о неприметном, разлагающем влиянии профессиональной среды. Ещё немного, и автор втянется, ещё чуть-чуть – и будет всерьёз обсуждать делёжку каких-то похищенных «кроватьных» и «халатных» рублей. А потому, если уж не удастся сохранить лицо, пусть хотя бы станут известны причины падения. При всей нелюбви автора к живописанию медицинской реальности, чего он всегда и всячески старался избегать, у него не остается иного выхода, кроме как сказать и своё рабочее слово.

Время действия – 1996 год и далее.

* * *

Главный специалист по лечебному питанию в день семидесятилетия заведующей отделением явился в её владения за полтора часа до начала торжеств и там околачивался. Сидя, наконец, за столом, изумлялся такому стечению обстоятельств; утверждал, что впервые слышит про юбилей и тут же зачитал стихотворное поздравление с эротическим подтекстом. Когда все разошлись, сидел ещё долго. По словам заведующей, страдает душевным заболеванием и даже забирался на люстру в недобрый час обострения.

* * *

Больной Кутурузов, перенёсший инсульт, был дружен с Друбниковым. Тот также перенёс инсульт и говорить мог лишь «тума-тума» или «дум-дум». Подстрекаемый больными Ивановым и Молевым, тоже перенёсшими инсульты, Кутурузов напился пьян, и его решили выгнать из больницы. Друбников, обращаясь к врачу, многократно произнёс «дум-дум», указывая на дверь палаты. В палате, со словами «дум-дум», он указал на пьяного Кутурузова. «Что – простить его?» – догадалась докторша. «Тума-тума», – закивал Друбников. «И речи быть не может», – отрезала та и выписала преступника. Друбников сел возле ничего не понимающего Кутурузова и стал его гладить, приговаривая: «Тума-тума».

* * *

Санитарка принесла на анализ мочу больного. В лаборатории началась ругань, и баночку не взяли, потому что бумажка с инициалами была приклеена клеем, а не прихвачена резинкой. Мочу санитарка вылила.

* * *

В приёмное отделение поступил пьяный. При осмотре обнаружена татуировка вокруг пупка: «Дайте мне 100 000 – и я стану человеком».

* * *

Один из сотрудников больницы – точно пока не известно, кто по должности – ведёт себя странно. Это маленький тщедушный человечек в кепке, очках и с портфелем. В ожидании автобуса он некоторое время стоит на месте, шевеля губами и изредка улыбаясь. Внезапно, без видимых причин, он срывается с места, пробегает десяток шагов, втягивая голову в плечи, и снова замирает, что-то бормоча.

* * *

Больной Еремеев, семидесяти лет, постоянно пьёт водку и прячет её в туалете среди бутылей с хлоркой. Уличаемый в запахе, оправдывается, что натирал спиртом виски. Предпринял попытку навесить изнутри палаты крючок на дверь, чем вызвал злобный смех персонала.

* * *

Доктор Т. с диагнозом «шизофрения» был некогда переведён работать в проктологическое отделение.

* * *

Больной Угаров, заразившись чесоткой, хлопал ладонями по постели обездвиженного больного Мальчикова, натирал металлические части его кровати со словами: «Что я – один буду болеть, что ли?» Мальчиков визжал от ужаса. Угарова перевели в изолятор. Скоро Мальчиков тоже заболел чесоткой, и его перевели туда же, где они остались лежать вдвоём.

* * *

Врач М., осматривая заражённых чесоткой больных, очень боялась заразиться и, чтобы этого не произошло, обмотала бинтом, смоченным хлорамином, дверную ручку в ординаторской.

* * *

Медсёстры доложили, что больной Еремеев требовал себе персональное пятиразовое питание и настаивал на свидании с диетологом. Готовясь к встрече, понемногу становился агрессивным и расхаживал по коридору в расстёгнутых штанах.

* * *

Фельдшер скорой помощи Р. имеет удивительно дикую, неухоженную внешность: рыжая грива, растрёпанная борода от глаз до груди. Во время совместного посещения с доктором П. захворавшей пенсионерки, та не без почтительного страха спросила: «А что, доктор, нешто вы теперь прямо с бабушкой ездите?». Тот, минут десять как опохмелившийся, не стал возражать и отвечал весело: «Конечно, бабушка! Отец Владимир, приблизьтесь».

* * *

В больничном лифте возник спор среди сотрудников по поводу очередности выхода из него. Учитывались стаж, возраст, должность, состояние здоровья и образование.

* * *

Диетолог случайно забрёл в неврологическое отделение, где его поджидал Еремеев. Разглядев Еремеева в конце коридора, диетолог повернулся и побежал прочь.

* * *

– Девчата, я в последний раз вас предупреждаю, – сказала заведующая сёстрам. – Не ходите по отделению в пальто! Больные берут с вас пример и тоже ходят.

– А как же нам ходить? – спросили сёстры. – И у больных все пальто висят в палатах – что же им делать?

– Надо вешать на левую руку и идти, – объяснила заведующая.

– А какая разница? – спросили у неё. – Микробам всё равно, где пальто – на плечах или на локте.

– Ничего не всё равно, – строго сказала та. – Если через руку с левой стороны, то ничего не будет».

* * *

В реанимационное отделение поступил киллер. Недобитую жертву доставили чуть раньше. Киллер, скрываясь с места расправы, угодил в аварию и получил множественные травмы. В дезориентированном, возбуждённом состоянии он бранился матом, призывая неких Стаса, Рому и Вову. Судебно-медицинский эксперт, женщина средних лет с безумными счастливыми глазами успокаивала его – дескать, сейчас приедут и Стас, и Рома, и Вова – кончать тебя.

* * *

Гордость неврологического отделения – да и всей больницы – клизменная. Такой нет больше нигде. Кабинет, конечно, нужный – у всех, кто повредил позвоночник, как правило, возникают проблемы. Различные медицинские делегации, в общем и целом кривясь от повсеместного убожества, при входе в клизменную оживляются, качают головами и фотографируют интерьер. Когда помещение не занято, в нём курят сотрудники. Случается, что там же они пьют кофе и чай.

* * *

Врач скорой помощи П. перед началом рабочего дня приговаривал, потирая руки: «Ох, и учиним мы сейчас негодяйство! Ох, какое негодяйство мы сейчас учиним!»

* * *

В лифте сестра-хозяйка О., крупная особа лет пятидесяти, шутила с лифтёром тех же лет, сама себе удивляясь: «Вот рожу вам ушастика!»

* * *

В травматологическом отделении больные, выпив алкогольные напитки, изъяли историю болезни, разорвали её в клочья и спустили в унитаз.

* * *

Приехала шведская делегация – все врачи в ней были специалисты по лечебной физкультуре. Не теряя времени, отправились к заведующему соответствующей службой больницы. Тут явился начмед, покачал головой, сказал, что так не делают, и повёл гостей в клизменную. Шведы протестовали, но их никто не стал слушать.

* * *

Заведующая неврологическим отделением любит по многу раз рассказывать автору о разных моментах своего житья-бытья – как она любит колбаску, как ей нравится перелезть во время прогулки в лесу через мощные корни деревьев, какие приёмы использует с целью занять место в муниципальном транспорте.

* * *

Больной Еремеев замечен в краже баночек из-под мочи с целью продажи их в магазин.

* * *

Негласно считается, что каждый сотрудник, независимо от чина, обязан слиться с коллективом отделения не только на профессиональном, но также и на бытовом уровне, и отдавать

этому уровню предпочтение, и во всём участвовать, и обсуждать тоже всё. Вообще, бытовой солипсизм торжествует.

* * *

Оказывается, необычный человечек из автобуса – патологоанатом, он страдает редким нервным заболеванием: сложным тиком, включающим кашель, лай, разговор с самим собой, приплясывание, перекачивание во рту вставной челюсти. Ехать с ним рядом совершенно невыносимо, пока не уснёт: кашляет и лает. Заведующая неврологическим отделением, не выдержав однажды, без предупреждения накинулась на несчастного: «Ты что? Ты что? Немедленно перестань! Надо закрывать рот, если кашляешь, а то микробы залетают с холодным воздухом в рот!» Тот онемел от страха и вжался в сиденье, не смея ничего возразить.

* * *

Медсестра отделения физиотерапии, окончательно спятив, легла в кабинете под кушетку, где и провела двое суток, откуда её не нашли.

* * *

«Я люблю чаёк свеженький, горяченький», – заявила заведующая ни с того, ни с сего и замолчала, уставясь в стену незрячими глазами.

* * *

Местный онколог является, как выяснилось, инвалидом второй группы по психиатрическому заболеванию.

* * *

Доктор М., присутствуя на еженедельной больничной конференции, не раз отмечала странности в поведении пожилого хирурга П., сидящего по обыкновению сзади. Он время от времени украдкой выдёргивает волоски из её причёски, вытащил из её же кармана врачебный молоточек и с ним играл, а после порывался незаметно пристроить на место.

* * *

Заведующая отделением не любит мужчин. Если ей случается пить чаёк в мужской компании, то после чаепития она моет чашки хлоркой. Так, во всяком случае, она поступала с чашкой нейрохирурга Щ.

* * *

В приемном отделении оформили историю болезни. Место работы пациента было обозначено так: «муниципальное розничное торговое предприятие».

* * *

Медсестра Л., сидя в кабинете заведующей, поправляла сапог. Та возмутилась: «А что это вы переобуваетесь в моём кабинете? Немедленно выйдите вон!» Медсестра Л. не осталась в долгу: «Но мы же не ругаемся, когда вы в сестринской ковьярете в носу».

* * *

Неврологический молоточек доктора М. был в конце концов похищен диетологом и продан невропатологу С. за пятьдесят тысяч рублей. С. не вернул молоточек М., взволнованно признавшей своё добро.

* * *

Больной Иванников при виде женщин в белых халатах начинает совершать якобы невольные сексуальные движения нижней половиной туловища. Пожилая заведующая отметила, что в её присутствии сокращения ослабевают. Ночами Иванников пьёт и похваляется, что никто этого не видит. Больные доносят, что иногда – даже будучи трезвым – «говорит не по делу».

* * *

«Падлы», – озабоченно сказала заведующая в адрес пациентов.

* * *

Больная Новикова, надоевшая решительно всем, подкараулила врача-физиотерапевта и спросила, с какой целью тот назначил ей при заболевании позвоночника электропроцедуру в нос. Доктор смеялся и порывался уйти.

* * *

Некто Николай Алексеевич, опекун парализованного подростка Хлопова, сопровождает его при наездах в клизменную и там фотографирует соответствующие органы и места.

* * *

Во время ночного дежурства хирург-уролог К. осмотрел с интервалом в полтора часа двух граждан, употребивших в пищу поганки числом 32 – каждый. Поганки весьма популярны среди аборигенов, а 32 штуки – количество, достаточное для приятных галлюцинаций. Грибникам известны целые поляны, богатые поганками настолько, что они даже взяты под контроль местными рэкетирами. Некоторые пациенты больницы признавались, что их не однажды приглашали в соседние палаты есть поганки.

* * *

– Иногда я пробую на людях, – задумчиво сказала заведующая.

В ординаторской было много врачей; все замолчали, так как фраза не вязалась ни с чем. В глазах застыл вопрос.

– Ну, конечно, не на больных – на здоровых, – уточнила заведующая.

– Что? – спросила наконец доктор М.

– Ну как же! – сказала та нетерпеливо. – Встану лицом в затылок и говорю – не вслух, конечно, а про себя: «Спустись на ступеньку! Спустись!» И, в конце концов, смотрю – он топчется, топчется, а потом – раз! – и спускается.

В общем, следующая станция – телекинез.

* * *

Доктор-физиотерапевт делился с сослуживцами своими детскими воспоминаниями: маленьким мальчиком он проглотил бильярдный шарик. «Упал со шкафа прямо в рот – оп! А потом вдруг как захотелось в туалет! Пошёл, сел – слышу: тук!»

* * *

Скончался от рака доктор Б. Царствие Небесное! Работники пищеблока, приветствуя автора, ахали и сокрушались: «Надо же! Ведь мы его хорошо знали! Так же, как вы, приходил покушать...»

* * *

Давным-давно заведующая отделением работала в лаборатории кожного диспансера. Под наплывом воспоминаний она тоном, каким говорят о цветении полевых ромашек, спросила: «Вы видели, как растёт гонорея? Нежные, на ножках – как розинки... Грибок рубрум... человеческий... тоже красиво...»

* * *

В приёмном отделении, ближе к ночи:

– Кто нассал в туалете? Мужскими ссыками пахнет! Девки, кто у нас сегодня мужики?

– Колька и Мишка. Это Колька нассал!

– Точно, пахнет, он ходил. Пойду скажу ему.

* * *

Просидев без дела двадцать минут, заведующая отделением встала из кресла и сообщила, что намеревается полить цветы.

«Я их всегда поливаю. Вы знаете, что эти цветы – полуживые?» – спросила она у автора. Тот заметил, что речь, вероятно, идёт об открытии, ибо ничего полуживого в природе нет. Далёкий от попыток заподозрить начальницу в метафорическом мышлении, автор безжалостно возразил:

«Ваши цветы – искусственные».

Помолчав, заведующая молвила:

«Я всё равно их буду поливать».

* * *

Заведующая отделением аттестована как врач высшей категории.

* * *

Хирург-уролог К., перетрававший полбольницы, бесцельно слонялся по приёмному отделению. Ничего не придумав, вошёл следом за своей подружкой-медсестрой в санитарную комнату и, ни слова ни сказав, приступил к сексуальному акту, устроившись сзади. Медсестра же пришла вымыть руки.

Сделав дело, К. молча направился к выходу.

– Я не успела, – сообщила ему партнёрша полувопросительно.

– Кто не успел, тот опоздал, – ответил К. и вышел.

* * *

Больной, лечившийся на дружественном неврологическом отделении, встал с постели и начал мочиться через койку соседа на батарею центрального отопления – так, чтобы попадать струёй в батарейные грани. Пришёл психотерапевт, сделал запись: «Астеническое состояние. Лечение: выдать утку».

* * *

Начмед корпуса орал на заведующую отделением: «Как вы могли отпустить всех в отпуск? Разве вас можно оставить одну?»

* * *

Заведующей подарили очередное растение – настоящее. Призвав автора – признанного к тому времени эксперта по части ботаники – она осторожно спросила, живое оно или нет.

* * *

Доктору М. больной сделал подарок: два рулона туалетной бумаги. М. распорядилась подарком так: один рулон поставила в туалет для врачей, другой – для сестёр. Старшая сестра пришла и возмутилась, почему не дали ей.

– У вас же нет туалета, – сказала М.

– Почему? У меня дома есть туалет, – обиделась та.

* * *

Автору тоже был сделан подарок: больная преподнесла ему трусы и майку. Хотелось спросить: «Вы желаете видеть меня именно в них?»

* * *

Другая больная после полутора месяцев возбуждения в авторе любопытства насчёт подношения подарила ему бутылку водки.

* * *

Играло радио.

– Кто это поёт? – спросила заведующая у доктора М.

– Анна Герман, – ответила М.

– Ты что, не может быть – она же умерла, – сказала заведующая.

* * *

Ещё один начмед больницы, бешеная пенсионная гарпия в брючном костюме, насмешила всех: выступая по поводу каких-то мероприятий, с гордостью заявила:

– А мне-то что? У меня два члена в одном месте!

Причины смеха выступавшая не поняла.

* * *

Заведующая отделением округляет 88 до 80.

* * *

Старшая сестра дружественного неврологического отделения жаловалась, что на неё напал гомосексуалист. Она шла с поезда в районе Озерков, и тот выскочил из кустов. Когда ей осторожно подсказали, что речь, видимо, идёт об эксгибиционисте, сестра сказала, что её не проведёшь, и это был гомосексуалист.

* * *

Заместитель главврача по хозяйственной части, в очередной раз опившись, в кровь избил вахтёра. Дело попало в газеты. Зама не уволили, а в газете поместили ответ больничной администрации, где всем напоминали о незаменимости зама в его деловых качествах.

* * *

Свой рабочий день отделение начинает с пятиминутки. Дежурные сёстры сдают свою смену, рассказывая заведующей о ночных происшествиях или их отсутствии. У заведующей имеется журнал, в который она каждый день записывает одно и то же. Впрочем, не совсем – даты, как-никак, разные. Вот выдержка (наступил 1998 год):

«5/1 1997 года»

«6/1 1997 года»

«8/1 1998 года»

«10/X1 1997 года»

«11/1 1997 года»

«12/1 1998 года».

* * *

Встречей Нового года заведующая осталась недовольна.

– Что это за Новый год такой? Привели какого-то Деда Мороза, заведующей слова не дали...

* * *

Дежурный хирург Т. крута в общении. «Когда же вы все друг друга перебьёте?» – осведомляется она у очередного избитого пациента.

...Ночью доставили гражданку Германии – правда, русского происхождения. Пьяная, она перевернулась в машине.

«Я сыта! Я сыта! – с акцентом кричала она своему перебинтованному спутнику. – Уходим отсюда!»

Дело в том, что первым, о чём с порога спросила Т., было: «Почему не насмерть?»

* * *

Рассказывают, что каждый, кто заводит животное, выбирает себе такое, к какому имеет внутреннее сродство. Оказалось, что хирург Т. на протяжении всего лета прикармливала ос у себя на балконе, пока те не изжалили её до анафилактического шока. Гвозди бы делать из этих людей! – оказалось, что Т., падая, сломала себе позвонок, но заметила это только через полгода.

* * *

На дружественное неврологическое отделение поступил грузин. Поступил с какой-то ерундой – года за два до поступления немного разбил голову. Врачи С. и О. отметили, что с появлением грузина волшебным образом прошли мигрени у большей части пациенток. Кроме того, они избавились от головокружений. Когда грузина выписали, на выписку следом попросилась ещё добрая половина женщин. Доктор О. предложил впоследствии выделить грузину врачебную ставку.

* * *

Заведующая отделением с каждым годом молодеет. Когда её спрашивают, сколько ей лет, она начинает загибать пальцы, и каждый раз получается на год-другой меньше. Она утверждает, будто во время войны прибавила себе шесть лет, чтобы взяли работать. Если это соответствует действительности, то в 9 лет ей нужно было выглядеть на 15.

* * *

Хирург К. (другой, не уролог) скучал, сидя в приёмном отделении за конторкой. Делать ему было нечего. Со скуки он глядел на сумку, забытую кем-то из больных. Глядел он долго, пока внезапно не осенила его идея. В своих дальнейших действиях он был формально прав:

предмет неизвестный, кто его оставил – тоже не ясно, значит – надо вызвать соответствующую службу, с собакой: бомба!

* * *

Учения по особо опасным инфекциям (на повестке дня – чума). Мероприятие, достойное «Оскара». Строго обязательно присутствие всех.

Сотрудники собираются в конференц-зале. Одна из сотрудниц, сняв халат, выходит вперёд, опускает глаза и монотонно сообщает:

– Я – мать военнослужащего срочной службы Иванова, приехала к сыну в Забайкальский военный округ. Я поселилась в доме одного из местных жителей, где меня несколько дней тому назад укусил тарбаган.

Встаёт вторая сотрудница – уже в халате – и бесстрастно, монотонно продолжает:

– Я – врач Петрова, вошла в палату и увидела женщину, которая кашляла кровью. У неё была высокая температура и увеличенные лимфатические узлы. Следуя инструкции, я немедленно позвонила по телефону начмеду В...

Сам начмед В., не вставая, берёт воображаемую трубку и строго излагает:

– Я – начмед В., получил телефонное сообщение о... и принял следующие меры...

И так далее.

* * *

Запись, сделанная заведующей в истории болезни (больного придавило деревом):
«В 1990 году папало дерево – берёза».

* * *

По ходу срока с больных понемногу слетает первичный гонор. Свет на это явление пролила медсестра П., которая месяц проработала в клизменной (там все работают по месяцу, в порядке живой очереди). Вот что она рассказала:

– Этот Семенов мне говорит – с подковыркой! – «что, сослали тебя сюда в наказание?» А я ему говорю: «Было бы у меня работы невпроворот, так я б с тобой не церемонилась, а выудила бы у тебя там всё – прямую кишку и твои причиндалы».

* * *

В хирургическое отделение пришёл психолог – не иначе, как с похмелья пригласили его хирурги. Они же психику вообще отрицают. Психолог побеседовал с больной, предложил ей тест: нарисовать картинку – домик, папу, маму, комнату и т. д. Та нарисовала. Врачи, изучая рисунок, высказывали замечания. Начмед В. мечтательно заявил: «А я бы пририсовал большую кровать!» На что ему дружно ответили: «Но вы же не лежите на гинекологии хер знает с чем!»

* * *

К., хирург-уролог, – большой ловелас, повеса и волокита. Как-то раз зашла в ординаторскую молодая докторша, только что зачем-то выучившаяся на психотерапевта. К. залебезил, загнул что-то длинное, витиеватое – вроде комплимента, но, как он сам впоследствии клялся, без всякой задней мысли. Его, однако, автоматически занесло, и он, сам того не замечая, выру-

лил на привычную дорожку: «Ну, куда же вы? Побудьте немного с нами! Вы так редко к нам забредаете – как, знаете, олени забредают полизать соль на камнях...»

* * *

Заведующая отделением быстро вошла в ординаторскую и спросила:

- Сколько больных вы можете выписать?
- То есть? – не понял автор.
- Ядерный взрыв! – повысила голос заведующая.
- Где?
- Будет! – ответила та уверенно.

Оказалось, что заведующая втайне от всех посетила занятие по гражданской обороне и теперь желает знать, сколько ходячих, колясочных и носилочных больных придётся распахивать по углам.

Доктор М. всерьёз увлеклась решением этой проблемы. Она начала считать, спорить, путаться в цифрах; возникла перебранка... и т. д., и т. п.

* * *

На дружественном неврологическом отделении лежит больной со сложной фамилией и сложным диагнозом: «гистиоцитоз Икс». Никто не знает, что это такое – диагноз поставили в институте. Больной, выпив стакан водки, начинает чесать себе грудь и сетовать, что его беспокоит гистиоцитоз.

* * *

Начмед корпуса любит приводить в больницу всевозможных самородков. Как-то раз привёл профессора-физика. Этот ученый лет десять тому назад, созерцая какие-то древние фрески, заинтересовался продолговатыми предметами, которые сжимали в руках египетские фараоны. Оказалось, что это специальные магические цилиндры, помогающие от всех болезней. Физик изготовил несколько штук: из чистой, как он утверждал, меди и чистого цинка. Разумеется, написал много статей. Принёс показать. Пара штук стоит сто долларов.

Опробовать, понятно, вызвалась заведующая. Зажала цилиндры в кулаках и важно сидела в первом ряду. Заведующий первой травмой, давась от хохота, крикнул сзади:

- Что, полегче?

* * *

В кабинете заведующей появился компьютер. Однажды автор решил рискнуть и внаглую, в присутствии начальницы, сел играть в «Цивилизацию». Насмотревшись на бегающие цветные картинки, заведующая не вытерпела и спросила:

- Можно узнать, чем вы занимаетесь?
 - Это такой тренажер, «Цивилизация», – туманно признался автор.
- Та подумала и встревожилась:
- А нам не надо, чтобы кто-нибудь знал про наш компьютер!

* * *

На отделении много больных-импотентов – оно и понятно: позвоночник сломан. Хирург-уролог К. любит блеснуть мастерством, накачивая всем желающим папаверин непосредственно в пенис. Тот встаёт, аки стальной штырь – один подполковник был сам не свой от радости. «Мне-то плевать, это жена требует», – объяснял он всем и гордо разъезжал в своей коляске по коридору, кичась эрекцией. Однако через час он забеспокоился, так как эрекция не проходила. Не прошла она и через два часа, и через три – пришлось применять внутривенный наркоз.

* * *

«Будете встречать Новый год в девичнике один, без меня, – сказала заведующая автору. – Я уезжаю в Кострому».

* * *

Больная Лань с парализованными ногами имеет, по слухам, до 10—15 половых контактов в день. Заведующему первой травмой, где она лежала, это дело надоело (в то редкое утро, когда он оказался трезвее обычного). Он перевёл её зачем-то в наркологию. Там лечились одни женщины, разыгрался какой-то скандал. Больную забрали обратно – теперь уже на вторую травму. Новый заведующий махнул рукой: «Хрен с ней, повешу над дверью в палату красный фонарь». В день выписки больной полагалось сопровождение в виде санитары – её отвезили в Колпино, домой. Когда приехали на место, санитар потащил больную по лестнице. Шофёр впоследствии жаловался: санитар её нёс почему-то в течение полутора часов, и тот всё это время кружил вокруг общежития, недоумевая – где человек?

* * *

У профессора заболела жена.

Пристроил в больницу.

Всё было тихо – вдруг приносит пять листов бумаги, исписанных бисерным почерком с двух сторон.

«Подклейте в её историю, – велел он заведующему. – Это мой осмотр».

* * *

Девять часов утра. Реаниматолог М. идёт на работу. К. сообщил, что доктор был в таком виде, что он, К., едва не наступил ему на галстук. По этому поводу доктор С. философски заметил: «Профессионализм пропивается последним».

* * *

Заведующей отделением поручили лечить главу какой-то мафии. Это был капризный, выживший из ума самодур, вылечить которого было невозможно, но он об этом не знал и настоял на собственной госпитализации. Ни руки, ни ноги у него не работали. И между ног –

тоже не работало. Ставить его на ноги было опасно – развалится в буквальном смысле слова. Однако заведующая, от страха посулившая бандиту золотые горы, мало-помалу сама уверовала в неизбежный успех. «А что? – сказала она заносчиво. – Посмотрим! Может быть, он и встанет!»

На это профессор, случайно оказавшийся поблизости, гневно зашипел: «Я этого не слышал! Вы мне этого не говорили! Боже вас упаси повторить это где-нибудь ещё!» После, уже без заведующей, учёный слегка остыл и меланхолично предположил: «Может, впрочем, и встать – если она ляжет рядом».

* * *

Гинеколог Р. И. держал лохматую собаку. Шерсть он стриг, в свободное время вязал носки, а шерстяные клубки таскал в портфеле. Так родился знаменитый эпизод с волосатой селёдкой: однажды Р. И. пришёл в дежурную комнату и прошептал таинственно: «Такой селёдкой угощу!» И торжествующе извлёк последнюю из портфеля.

При виде селёдки у всей дежурной службы случился спазм пищевода. И гостинец, стоило хлебосольному гинекологу отвернуться, полетел в мусорное ведро.

* * *

Больные двадцать четвёртой палаты приняли заведующую отделением за уборщицу. Та вошла и, не поздоровавшись, приказала: «Так! Польты – убрать!»

* * *

В больнице есть больной О.. Он немолод, и круглосуточно ходит в вытертой, бесформенной шапке-ушанке – как на улице, так и в палате. Ещё он любит вить гнездо: ставит на попа два матраца, свернув их цилиндрами, а сам (в ушанке) забирается внутрь. О. объясняет своё поведение соображениями удобства.

Однажды О. пропал. Его долго не могли найти, пока соседи по палате не обратили внимание на странный хруст. Вскоре пропавший отыскался. Оказалось, что он спрятался между двумя матрацами – на этот раз лежавшими, как положено, на его кровати (постель застилала санитарка). И, лёжа там, в темноте, ото всех отгороженный, О. хрустел яблоком и слушал, как матерятся соседи, утомленные поисками.

* * *

В холле работает аптечный ларёк. Любимый медикамент – настойка овса, сорок градусов, восемь рублей. Очень нравится больным и докторам; о ситуации неоднократно докладывалось начальству, но аптечное дело живёт и побеждает. Уже замечены посетители из родственников, которые носят больным передачи и в качестве тары используют огромные коробки из-под этих бутылок, так что создаётся впечатление о переходе к оптовым закупкам.

* * *

Наслушавшись в ординаторской бреда, хирург-уролог К. громко поёт: «Моя-я се-мья!» и выходит.

* * *

Заведующей отделением подарили автоматический аппарат для измерения давления. Доктор М. высказала пожелание, чтобы и другим врачам выдали такие же. Та возмутилась.

– Но почему? – поразилась М.

– Заведующая должна отличаться от других врачей, – отрезала та.

Ей чуть было не сказали, что она и так отличается.

* * *

Ещё заведующей подарили в кабинет говорящий будильник. Он кукарекает и кукует, хозяйка кабинета довольна.

* * *

Замученная жизнью доктор М., с утра входя в ординаторскую, зачастую вместо приветствия бросает мрачное: «Параши!»

Уточнять не имеет смысла, так как определение универсально.

Она же о сёстрах:

– Поганки!

О больном:

– Я его урою! Урою! Урод тряпочный!

И о следующем (пациенте):

– Смотрю я на него и думаю: скотина же ты! Придурок лагерный!

* * *

Существует такая болезнь: остеохондроз. Автором собраны варианты названий, предложенные больными:

– острый хондроз

– остерохондроз

– хондроз

– хандроз (письм.)

– кандроз (письм.)

– астрохраноз

* * *

Кстати сказать, остеохондрозом дело не ограничивается. Всякий может ошибиться – имеет право не знать! – но хоть позволь себе толику сомнений: верно ли ты сказал? Как бы не так. Двадцать лет пьёт свой корвалол, и всё-то он – коровол. Вот ещё несколько примеров из архива:

– влупидол (валидол)

– глюконат пальция (глюконат кальция)

– кордапон с мандапоном (?)

– кашпирон (верошпирон?)

– балбандин (мидокалм)

- ножка (но-шпа)
 - луч Лазаря (sic!)
 - санпеддистанция (санэпидемстанция)
 - функцию брали (делали пункцию)
 - камень обцапал желчный проток, и в кровь пошёл белый рубин (билирубин)
 - в голове поросята хрюкают
 - в полноги как пшено насыпят – и бегают, бегают!
 - бедренная часть дрожит, как заячий хвост
- И тому подобное.

* * *

Лающий патологоанатом признался своему другу, главному специалисту по экспертизе К., что его любимый телесериал – «Убойный отдел».

* * *

К., пенсионер, главный специалист по экспертизе, пересказывает патологоанатому содержание «Золотого телёнка» – страницу за страницей, дословно. При этом сияет от счастья, купаясь в лучах авторской славы подобно крошке Цахесу. Его благодарный слушатель на время прекращает лаять и тихо, хрипло смеётся, обнажая гнилые зубы и сверкая очками.

* * *

С новым, 1999-м, годом!

* * *

Заведующая, раскрыв рот, смотрела в распахнутый кузов больничного «рафика», откуда больничный санитар, проработавший вместе с нею чуть ли не с сотворения мира, вытаскивал матрасы.

– Ну что, каких вы нам привезли больных? – с наигранной строгостью осведомилась заведующая.

* * *

Незавидна человеческая доля! Логопеды купили специальные тексты для занятий с больными, у которых нарушилась речь. Отрывок, приведённый ниже, может многое сказать о высоком предназначении человека, о совершенстве, о цели и смысле жизни. Вот какими категориями должен в идеале мыслить совершенный человек:

«Пётр Павлович любил проводить время на природе. В этот день он вставал рано, садился на первую электричку. Долго гулял по лесу или полю. Слушал пение птиц. Наблюдал жизнь насекомых. Иногда на болоте встречал зайцев, видел гадюк».

Вопросы:

- как звали мужчину?
- где он любил проводить время?

* * *

У больных изъята водка «Ха-ха-ха» и «Махно». Поведение соответствовало.

* * *

«Сегодня суббота?» – спросила заведующая отделением в среду.

* * *

О старшей сестре дружественного неврологического отделения (той, на которую напал гомосексуалист) рассказывают следующее. Оказывается, в неё стреляли. В годы перестройки старшая сестра была, конечно, демократкой. Однажды ночью, во время дежурства, на улице завязалась перестрелка – кого-то ловила милиция. Милиционер сделал предупредительный выстрел в воздух, пуля от чего-то срикошетила и влетела прямо в комнату, где спала старшая сестра. Обычный человек, будучи на её месте и разобравшись, в чём дело, немедленно лёг бы на пол; она же высунулась в окно поглядеть, не выстрелят ли ещё. На следующий день старшая сестра уверяла сослуживцев, что на неё покушались, и за покушением стоит заведующий аптекой В. М., матёрый консерватор и государственник. Доктор С. хотел потрогать пулю, извлечённую из стенки и спрятанную в баночку из-под лекарства, но старшая сестра вовремя его остановила, предупредив, что пуля отравлена.

* * *

Как-то раз в больницу поступил старичок. У него была частично парализована одна половина туловища (вскоре парализовало и вторую, но он не сдавался и ходил, держась за стенку). Кроме того, дедушка неважно видел, разучился говорить и ничего не понимал. Первые два-три дня он лежал бесхозный, а после к нему явился сынок. Пообщавшись с папой, сын вёл следующие речи: «Ведь кровиночка моя! Я ему говорю: „Нет, ты будешь у меня ходить!“ Бью его по лапам, а он всё за стенку хватается! Как же он не понимает?»

Неделей позже сынок увёз папу на выходные домой, помыться. Вернувшись, рассказывал: «Посадил его в ванну, а он хватается за края, за душ, за кран! Я опять ему: „Ты у меня ходить научишься!“ Ведь кровиночка! И чувствую, как руки мои тянутся по намыленному телу прямо к горлу! Ведь это что же будет?»

* * *

Время неумолимо! Оказывается, и старшая сестра уже не та, и заведующая отделением сдаёт. Вот раньше ходили о них легенды!

* * *

Хирург-уролог К. и просто хирург (тоже К.) проспали, что говорится, не один год под одной шинелькой. Выпили не один литр, и так далее.

Как-то раз хирург пришёл в кабинет заведующей отделением, где сидел уролог. Заведующая завела какую-то речь, но вдруг прервалась: «Познакомьтесь – это К. (имя-отчество), наш уролог».

К. и К. с подчёркнуто церемонным видом пожали друг другу руки.

* * *

Мороз минус двадцать пять.

Логопед ведёт занятие, одевшись в пальто, в шапке и варежках. Пациент – мужчина с так называемым «эмболом»: от прежней речи у него на все случаи жизни осталось лишь одно, самое устойчивое слово. Эмболами чаще всего бывают матюги.

Логопед диктует, растирая руки:

– На улице стоит очень жаркая погода. Повторите.

Пациент, после колоссального напряжения, с трудом:

– Х-холодно... Блядь!..

* * *

Хирург-уролог К. любил в своё время развлекаться показом спермограмм сёстрам из приёмного покоя. Он вёл их к микроскопу, демонстрировал живые сперматозоиды. Некоторые сёстры выражали желание участвовать в заборе материала. Кое-кто верил рассказам К. о том, что если дать сперматозоиду развиваться без помех, то он может вырасти особью в тридцать метров длиной.

И заблудиться в петербургском тумане, потерянным слоном.

* * *

Пришли родственники, просят за больного – безнадёжного паралитика. Практически без ног. Хотят, чтоб положили его в отдельную палату. Но отдельных нет, есть только двухместные.

– Очень хорошо! – обрадовалась заведующая. – Это для него же лучше! Надо обязательно положить к нему ходячего – пусть смотрит и старается.

* * *

Никто не застрахован от ошибок. Вот и автор ошибся. Оказалось, что уролог К. рассказывал о сперматозоидах совершенно другое. Он советовал медсёстрам отойти от микроскопа подальше, так как эти клетки весьма агрессивны и, если не мешать, могут преодолевать расстояние до 600 метров.

* * *

Рассказывают следующее.

Местный токсикоман Морозов, человек безобидный, носил шинель, а за спиной – гитару. Ел он не только наркотики, но и всё остальное, людям не положенное. В больнице его жалели, подкармливали всякой химической дрянью, не слишком вредной. Если у него не оказывалось денег, М. снимал гитару и пел – надо признать, что довольно неплохо.

Однажды, в ночь дежурства гинеколога Р. И., Морозов забрёл в гинекологическое отделение в поисках каких-нибудь лекарств. Свет почему-то не горел. Дежурная сестра, увидев

чёрную фигуру в шинели и с гитарой за спиной, решила, что видит человека с автоматом. С криком ворвалась она в комнату, где отдыхал гинеколог Р. И., и осталась стоять, удерживая дверь.

– Выйдите, я в трусах, – сказал Р. И. Он страдал врождённым дрожанием рук, головы, а также заиканием.

– Не выйду, – сказала сестра.

Морозов тем временем, никого не обнаружив, ушёл.

Утром, на общебольничной конференции, Р. И. докладывал, что с настоящего момента следует держать ухо востро: в округе появились автоматчики.

* * *

– Ну что, уже не так неприятно? – спросил хирург-уролог К. больного, закончив массаж предстательной железы.

– Да, да, спасибо, доктор! – с чувством ответил тот.

Когда больной ушёл, автор этих строк иронически заметил:

– А вот когда станет приятно, он сделается твоим постоянным клиентом!

Задумчиво созерцая палец, извлечённый из заднего прохода счастливого клиента, К. серьёзно отозвался:

– Так оно чаще всего и бывает.

* * *

В автобусе состоялась продолжительная – на сорок минут – беседа заведующей отделением со старшей сестрой (на которую напал гомосексуалист). Говорили о политике.

«Перевешать надо всех коммуняк», – говорила старшая сестра.

«Этих демократов мы всех убьём», – кивала заведующая.

Ни та, ни другая не улавливала некоторого несходства симпатий.

Разница во взглядах обнаружилась уже на подъезде к станции метро (дошло); мирный до того разговор вылился в жестокую свару, продолжившуюся на улице.

* * *

Во время чаепития уролог К. шутил. Вымазав пальцы йодом, он временами их брезгливо обнюхивал и жаловался, что во время массажа предстательной железы порвал перчатку.

* * *

Психиатр П. вызвала санитаров и машину, чтобы забрать больного.

Вдруг вбежал доктор О. с бумажным листком в руке – отобрал у своего пациента. Это было самодельное удостоверение резидента российской разведки на Украине, которого раскрыли и который бежал в поселок Тарховка.

Психиатр П., не глядя на больного и даже не садясь, закричала: «Мальчики, стойте!» Косо начертав в углу удостоверения несколько слов, сказала: «Двоих повезёте».

* * *

Некогда в больнице работала диспетчером некая Т. М., в прошлом – нарколог. В целом тихая и безобидная, она могла ни с того, ни с сего схватить случайного встречного (из коллег), затащить в уголок и спеть ему какой-нибудь романс.

В день её проводов (то ли на пенсию, то ли просто уволилась) невропатолог С. был пойман в приёмном отделении и силком заведён в праздничную комнату – прощаться. Его, повидавшего виды, потрясло небывалое количество водки – её было слишком много даже для закалённых бойцов.

Многие спали лицом в салат (это не метафора).

Т. М., держа рюмку, встала.

«Как главный нарколог района...» – начала она.

* * *

Страдания лающего и скачущего патологоанатома множатся. Поджидая автобус, он отошёл в сторонку и там тихонько запищал, глядя в землю, а после так же тихо свистнул.

Вспомнишь тут экзистенциализм! Не пришёл автобус.

* * *

В отделении горе: скончалась престарелая родительница сестры-хозяйки.

На вопрос заведующей, куда подевалось среднее руководящее звено (старшая сестра и безутешная дочь), доктор М. ответила:

– Они вдвоём поехали на кладбище.

– Угм, – заведующая, подумав, с удовлетворением кивнула. – Могилу рыть.

* * *

Доставлен пьяный монстр, обмороженный, в судорогах, чудовище. Бросили в изолятор. Вызвали психиатра.

Та пришла, заглянула сквозь прутья решётки. На шконке свернулось нечто бесформенное, заскорузлое, укрытое ветошью с головой.

– Вова – ты, что ли?» – тревожно и неуверенно нахмурилась психиатр.

* * *

Первый день весны, 1 марта! Хочется писать о хорошем!

Как, оказывается, летит время!

Начиная рабочую неделю, заведующая раскрыла журнала сдачи дежурств, вооружилась ручкой и заметила:

– Сегодня, насколько я помню, 2 марта.

* * *

Автора пригласили в приёмное отделение осмотреть двух молодых людей в кожаных куртках. Их доставила милиция.

У обоих были забинтованы бритые головы, у одного – сломан нос, у другого – рука на перевязи и фонарь под глазом.

Выяснилось, что молодые люди выпили пива, их разморило, им не захотелось идти пешком, и они остановили машину. Водитель почему-то отказался их везти, и тогда тот, что обзавёлся впоследствии фонарём, выбил ногой лобовое стекло. Однако водитель оказался знатоком кун-фу – он вышел из машины и объяснил ребятам, что к чему.

Автор, ещё ни о чём не зная, позволил себе усмехнуться:

– Кто же это поднял руку на таких крутых?

Один из травмированных осклабился и оскорблённо выдохнул:

– Хулиган!

* * *

Заведующей подарили коробку конфет.

Она принесла её в ординаторскую, разодрала, припала к подарку и в один присест уплела половину.

– Ну, всё, – сказала заведующая, отпихнула коробку и вышла.

* * *

Заведующей подарили коробку конфет.

– С утра лезут со своими подачками! – прорычала она, швырнула коробку на подоконник в ординаторской и быстро вышла вон.

* * *

В больнице – новый иглопсихотерапевт: томная, пышная дама.

В её кабинете: восточные курения, таинственная музыка. На столе – книга: «Космическое сознание» (разве можно!).

Ну, посмотрим, чем это кончится.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.